

ПОДОЙМЦЫНА ИРНА

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТ СЕБЯ
— К СЕБЕ, В РАДИУСЕ
ОТ ЦЕНТРА ВСЕЛЕННОЙ

16+

Ирина Подойницына

**Путешествие от себя – к себе,
в радиусе от центра Вселенной**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Подойницына И. И.

Путешествие от себя – к себе, в радиусе от центра Вселенной /
И. И. Подойницына — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Главная тема книги – путешествия. Маршруты путешествий были самые разные, но всегда захватывающие дух – Вьетнам, Гонконг, Китай, Канада и др.. Немало страниц книги посвящено Якутии, в которой есть свои сфинксы. Концепция книги содержится в рассказе «Путешествие от себя – к себе, в радиусе от центра Вселенной» и состоит в следующем: не важно, далеко или близко от дома ты уезжаешь, главное, что ты насыщаешь себя новыми знаниями-впечатлениями. И твоя личная Вселенная становится намного богаче. Мой выдающийся отец, который привил мне любовь к познанию чужих стран, повторял «Небываемое бывает!». Об отце и о любви я тоже пишу в этой книге.

© Подойницына И. И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	6
Деревенька моя, деревенька-колхозница	7
Кофе вуду	17
Лучшие годы, или маленькая повесть о больших советских людях	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Увлекательные очерки путешествий, повести и рассказы Ирины Подойницыной – это в том числе и «импровизации», по определению автора, но, на мой взгляд, это ступени к познанию своей страны и других стран, их культуры и бытия. Подкупает и то, что написаны они легким и афористичным языком. В рассказах о Якутии, истории ее освоения, красотах ландшафта, ее людях привлекает и то, что в них автор открывает новое, в них незашиоренный, пытливым взгляд на привычное нам. В них – неизведанная Якутия, которая может быть интересна всем, кто любит путешествия и открытия, кому интересна жизнь нашего огромного края, простирающегося от Станового хребта до самых северных островов Восточно-Сибирского моря.

Олег Сидоров,
публицист, писатель, председатель Ассоциации
«Писатели Якутии», главный редактор историко-
географического и культурологического журнала
«Илин»

Дизайнер обложки – И. Подойницын
Техническое оформление – С. Леонтьев
В оформлении обложки использован фрагмент картины Иоганнеса Верспронка
«Портрет девочки в голубом платье»

Издание осуществлено при материальной поддержке
Русской общины Республики Саха (Якутия)

Предисловие

Главная тема книги – путешествия. Маршруты путешествий были самые разные, но всегда захватывающие дух – Вьетнам, Гонконг, Китай, Канада, Америка, Египет, Швейцария, Италия, Монголия, Таиланд, Индия, Польша, Швеция. Это были не просто поездки в столицы зарубежных стран, это было освоение неизведанных трасс и территорий. Немало страниц книги посвящено родной республике, Якутии, в которой есть свои сфинксы, каменные столбы, доломитовые ванны и другие чудеса света.

Концепция книги содержится в рассказе «Путешествие от себя – к себе, в радиусе от центра Вселенной». Этот же тезис я поставила в название произведения. Если кратко, то концепция состоит в следующем: не важно, далеко или близко от своего дома ты уезжаешь – в Гонконг или в соседний от Якутска поселок Нижний Бестях, – главное, что ты насыщаешь себя новыми знаниями-впечатлениями. И твоя личная Вселенная – твой внутренний мир, твое «я» – становится намного богаче. Она, Вселенная переполняется новыми смыслами. Она, Вселенная становится совершенней и даже, я бы сказала, человечней.

Я пишу иногда от первого лица, а иногда экспериментирую и позволяю себе довольно смелые импровизации: придумываю, как бы я жила в чужих краях, каким бы делом занималась, какую бы маску примерила к себе.

Путешествуя по свету, я собирала любовные истории, складывала их в ментальную копилку, а потом решила представить все лав-стори в жанре отдельной повести. При этом я их еще и классифицировала – сказала моя профессия социолога. Немало строк этой книги посвящено моим друзьям, попутчикам в путешествиях и по жизни, а также – моему выдающемуся отцу, который и привил мне любовь к познанию чужих стран. Он был уверен, что мечты должны сбываться, всегда повторял «Небываемое бывает!» и пронес эту веру до последних дней своей жизни.

В данном издании объединены три книги: Книга первая. Отец.; Книга вторая. Любовь.; Книга третья. Путешествия. Остается только добавить, что это три живительных источника вдохновения в моей жизни.

Книга первая

Отец

Памяти отца посвящаю

Деревенька моя, деревенька-колхозница

Это было особое путешествие. В нем было больше смысла, чем во всех других путешествиях, вместе взятых. Это было, с одной стороны, путешествие от себя – к себе, в радиусе от центра Вселенной – так я назвала в этой книге поездки с историческим подтекстом. «Вселенной» я обозначила ту часть нашего Я, которая наполнена духовным содержанием, интеллектуальными сомнениями, это наше умное супер-эго. С другой стороны, путешествие в Деревеньку было длительным и дальним, почти как поиски аргю. Оно было без карт и навигаторов. Это было путешествие к своим корням.

Мой отец всю жизнь сохранял трепетную и нежную любовь к своей малой Родине, к деревне Болотово Читинской области. Он рассказывал мне, как его деревня красива, как широка и полноводна река Шилка, как это местечко украшает железная дорога – она делает деревеньку весьма цивилизованной. Он пел: «Деревенька моя, деревенька-колхозница». Папа часто ездил в Болотово, вместе с моей мамой и моим сыном, своим внуком. Но я, увы, не составляла им компанию, как в той песне: «А я все не еду, дела и дела...»

И, вот, наконец, я собралась добраться до деревни, вместе со своим двоюродным братом Сергеем Николаевичем Подойницыным-Шейным и найти тот дом, в котором 90 лет тому назад родились мой отец и затем, через 3 года – его мать и моя тетя Люся. Остался ли этот дом на белом свете? Мы даже не знали. Мы хотели отыскать свою родню, узнать все секреты нашего рода с крепкой русской фамилией – Подойницыны. Мы желали найти продолжателей рода – современных Подойницыных и понять, как они живут, почему не уехали в города из Болотово. Мы хотели докопаться, какие профессии являются любимыми для Подойницыных. Чем, каким делом они прославили себя на земле?

... Вначале мы приехали в Читу, в любимый город папы, который он считал главной столицей своей жизни. И, действительно, Чита была и остается столицей православных забайкальских земель, простирающихся на многие километры от Даурии до Амура, вплоть до героического села Албазина, который стойко сражался с набегами маньчжуров. Мы прибыли в Читу на поезде в 5.30 часов утра. Храм напротив железнодорожного вокзала утопал в сильном тумане. Позже мы узнали, что это Храм иконы Казанской божьей матери. На пустой привокзальной площади таксист отчаянно кричал: «Орловка! Орловка! Орловка!». Знаю, для кого-то это было обычным географическим названием небольшого поселка под Читой. А я вспомнила знаменитую стройку советских времен – Орловский ГОК, на который я приезжала в декабре 1981 года, я вспомнила еще военный поселок Даурия, просторные проспекты Читы, памятник героям Великой Отечественной войны, на котором я тогда насчитала 110 фамилий Подойницыных. Я быстро вспомнила свою командировку в Читу, которая была почти 36-37 лет тому назад. И вот, наконец, я снова вернулась в эти края.

Мы поселились у нашей троюродной сестры Веры Михайловны Кулько, врача-онколога по специальности. Вера и стала нашей «проводной нитью» по запутанным лабиринтам истории семьи. Она и сама была заинтересована в том, чтобы погрузиться в прошлое. Сестра встретила нас замечательно: накормила пирожками с черемухой, грибами, деревенскими яйцами с очень желтым желтком. Несмотря на то, что трапеза была отличной, мы все равно вечером отправились в ресторан, потому что любили праздновать свои приезды в новые города в помпезных местах общепита. Удивительно, но мы почти сразу вышли на ресторан «Ван Ваныч», который располагался в центре города. Это было символично и даже растрогало нас до слез, ведь моего отца звали Иван Иванович. Словно папа посылал нам приветствие из своего заоблачного далека.

Потом мы вернулись к Вере и стали погружаться в прошлое. Нам нравились разговоры о нашей семье. Мама Веры, Ольга Сергеевна Подойницына-Пинюгина была дочерью моего дво-

юродного дедушки Сергея Венедиктовича Подойницына. Тетя Оля всю жизнь писала письма моему папе. Письма были славными, теплыми, но со множеством орфографических ошибок. Тетя Оля называла папу «братиком», «братишкой», хотя тогда, в период расцвета их эпистолярного творчества им обоим было под восемьдесят лет. Я знала также и о том, что тетя Оля, по рождению Подойницына оправдала звучание нашей фамилии – она стала знаменитой дояркой и одним из «инструментов» ее честного и тяжелого труда стал «подойник» – для тех, кто не знает, это специальное алюминиевое ведро, используемое при дойке коров.

Я говорю Вере, что очень хорошо помню письма ее мамы, и про ошибки в них я зачем-то вспоминаю за чашкой чая. Вера чуть-чуть обижается. Начинает пояснять, что ее маме не пришлось учиться, ведь она была «дочерью врага народа». Ольга Сергеевна закончила всего 4 класса Болотовской начальной школы и пошла работать – сначала была телятницей, а потом стала дояркой. Сначала никаких надоев у нее не было, кормов не хватало, коровы падали от голода. Сельское хозяйство в Болотово стало подниматься только в 70-е годы XX века, тогда и надои появились. Ольга Сергеевна семью создала, троих детей родила, к ней пришла слава. Но даже в лучшие свои годы знаменитая доярка не забывала о трагической судьбе отца. Я и сама давно знала эту горькую семейную тайну. Вокруг нее было много недомолвок, недосказанностей, слез и даже страшных ссор.

Помню, как мой отец, в кабинете которого всегда висел портрет Сталина (он и сейчас там висит), горячо спорил со своим отцом и с моим родным дедом Иваном Венедиктовичем Подойницыным об отце народов. Мой папа утверждал со страстностью и убежденностью в голосе, что Сталин сплотил народ страны, выиграл Великую Отечественную войну, сделал СССР мощной державой.

– Да он убил, расстрелял моего родного брата Сергея! Ни за что! Для меня один этот факт перечеркивает все его заслуги! – кричал мой дед, невысокого роста симпатичный усатый мужичок. Крепкий русский человек – необычного ума, гораздо выше среднего, неиссякаемого трудолюбия и удивительной, какой-то болезненной честности. Когда я повзрослела, я поняла, почему для деда, который кормил семерых человек (шестерых детей и супругу) и делал это весьма успешно, такое качество как честность, помноженная на трудолюбие (или, наоборот) были кредом жизни. Он хотел доказать невидимому, недоступному отцу народов, а позже и его призраку, что мы, Подойницыны – настоящие люди, нас трудно сломить и уничтожить! Дед всю жизнь проработал главным бухгалтером разных фирм.

– Я знаю, что дядя Сережа был не виноват, что его оговорили. Мне его тоже очень жаль. Но ему просто не повезло! Это несчастное стечение обстоятельств! – с горячностью утверждал мой отец. Да нет, он тоже кричал. Он был непримирим в споре.

Однажды они чуть было не подрались прямо у нас на глазах – два русских Ивана, отец и сын, и все только из-за одной фразы моего отца, который сказал, что «Сергею Венедиктовичу просто не повезло. Но Сталин не трогал по-настоящему честных людей...» И моего деда это просто взбесило, несмотря на то, что он и сам относился к категории предельно честных советских начальников. Дед решил, что это фраза небрежна по отношению к памяти Сергея Венедиктовича и пришел к выводу поддаться за это своему великовозрастному сыну.

Здесь, в Чите, в августе 2018 г. я жаждала разобраться в этой истории до конца и для себя самой расставить приоритеты. Вера заявила в первый же вечер, что мы должны отправиться к Мемориалу жертвам политических репрессий, что находится рядом с селом Смоленка. И мы отправились туда на такси. Это было 30-35 минут езды от города.

Кругом стоял влажный, высокий лес, живописные места. У входа в лес мы прочли табличку, на которой значилось, что именно в этих местах, летом 1991 года были найдены захоронения жертвам политических репрессий, безвинно убиенным в 30-е годы XX века. «Соотечественники! Эта страница истории не должна повториться!» – такой прочувствованный болью миллионов израненных сердец призыв был выведен на табличке.

Мы долго шли по хорошо протоптанной тропинке в лесу. Видно было, что место это весьма посещаемое. И, наконец, добрались до памятника в чаще леса. Он был достаточно скромный – на небольшой площадке, выложенной обычной серой брусчаткой, было возведено что-то типа темного гранитного креста, в «изголовье» которого стояли три белые абстрактные подковы. Вот собственно и все. Площадка была огорожена оградкой с цепью – и маленькие памятные таблички висели на цепях, столбиках и на деревьях. Мы нашли нужную нам табличку, на ней значилось: «Сергей Венедиктович Подойницын. 1911– 8 марта 1938 года. Расстрелян». Вера сказала, что эту памятную табличку установил мой отец. «Он очень плакал, стоя у этого памятного места», – добавила она. Надо отметить, что и у нас ком застрял в горле, слезы непроизвольно возникли на глазах. Стало пронзительно жаль молодой загубленной жизни, оборвавшейся в 27 лет и двух дочек, оставшихся без отца.

Там же, на мемориале Вера достала и показала нам скромную бумажку, она была сложена у нее вчетверо, лежала в кармане и помялась. А на самом деле это была не «бумажка», а судьбоносный документ – Справка о признании пострадавшим от политических репрессий, подписанная Первым заместителем прокурора Читинской области С.Г. Третьяковым. В Справке значилось, что Подойницын Сергей Венедиктович, действительно, был репрессирован «по постановлению тройки НКВД Читинской области и .... подвергнут расстрелу». 25 сентября 1989 года Сергей Венедиктович Подойницын был реабилитирован прокуратурой Читинской области. Справка была выписана на имя Ольги Сергеевны Пинюгиной, дочери – она смогла дожить до этого счастливого момента.

Далее мы отправились в Смоленскую слободу, в дом с подсолнухами, к Вере Николаевне Шеломенцевой, нашей родне, правда, не по крови, но родне. Наша провожатая сообщила, что Вера Николаевна (ее тетка по матери) многое помнит из детства и все расскажет нам про деда Сергея.

Мы с удовольствием осмотрели огород у дома Шеломенцевых– подсолнухи, кусты с ягодой иргой, которую я в глаза никогда не видела. А потом стали пить чай и разглядывать фотографии нашей семьи – с этих фото на нас смотрело голодное деревенское детство наших бабушек и дедушек, пап и мам, а потом – радовалась их «крепдешиновая» молодость, и их зрелая советская трудовая жизнь громко заявляла о своих победах... Это была не только история нашей семьи – это была история нашей страны, СССР. Вера Николаевна Шеломенцева, также как и ее родная сестра по матери, наша тетя Оля была выдающейся дояркой. Оказывается, чтоб получить сертификат «мастера высоких надоев», надо было надоить за год 3 тысячи литров молока. Вера Николаевна, хотя и была полноватой, но двигалась по дому очень шустро, лицо у нее было улыбочным, приветливым, говорила она интересные вещи. Я поймала себя на мысли, что, наверное, совсем неправильно относилась к дояркам, да и времена сейчас изменились – Вера Николаевна была умной и разговорчивой женщиной.

Внезапно она заплакала, изменилась в лице и стала, волнуясь, рассказывать:

– Сергей Венедиктович, он работал на тракторе, в деревне Болотово. Кто-то насыпал ему песку в трактор. Кто? Да, до сих пор не нашли и никогда, конечно, не найдут эту безжалостную сволочь. Соседи пожаловались и Сергея Венедиктовича забрали, его приговорили к расстрелу. Я думаю так, люди «добрые» позавидовали – ведь Подойницыны жили зажиточно, ладно: в хозяйстве были и конь, и корова, и свиньи... У дяди Сережи остались две маленькие дочки: Ольга, ей было всего три годика и Галинка, ей было шесть месяцев... Мою маму Зою Кузьминичну все таскали и таскали на допросы, и Галинка умерла от голода..., – Вера Николаевна сильно заплакала. – Мама вышла замуж, после того, как расстреляли дядю Сережу только через 15 лет, за моего отца, который весь израненный вернулся с войны... Как будто для нее, с фронта и вернулся...

Вера Николаевна все плакала и плакала. И я, наконец, поняла, что Сергей Венедиктович был для нее не отцом, а совсем чужим человеком, которого она, конечно, никогда не видела, но

она очень жалела и его, и мать, которую постигло не только горе потери мужа-кормильца, но и преследовала по жизни страшная людская злоба. «Когда Михаил Семенович женился на моей сестре Ольге Сергеевне, все в Болотово издевались над ним, что он взял такую «порченную» девицу в жены», – смешливая и оптимистичная Вера Николаевна снова зарыдала от обиды, закрыв лицо руками. А я подумала о том, как же тяжело семье пришлось жить в те тревожные времена, в «годы лютых гонений», как написано на памятнике в лесу.

Вера Николаевна нашла для нас с Сергеем старое-старое фото дома, в котором родились наши с ним родители и который мы должны были отыскать в Болотово.

– Мы найдем его? – решила уточнить я.

– Найдете, найдете, – как-то загадочно улыбнулась несломленная жизнью доярка – лучик солнца проглянул сквозь дождливые тучи.

На следующий день, выпив кофе, мы большой компанией, на такси-пикапе отправились в село Болотово. Интересно, что в России насчитывается 27 сельских населенных пунктов под названием Болотово. Но в Забайкальском крае Болотово было, конечно, одно – наше, любимое. Итак, маршрут у нас был такой: Чита– Нерчинск – Нижняя Куэнга – Верхняя Куэнга – Болотово. Места, которые мы проезжали, были замечательные: сопки, хребты, широкие поляны, с островками лесных чащ, с березовыми рощами. Здесь имелись даже редкие, краснокнижные заросли березы даурской. Забайкалье находится на высоте 1760 метров над уровнем моря. Оказывается, Забайкалье – это «горная страна», такая же, как Бурятия и Монголия, из которых мы только что вернулись. Два крутых хребта, дугообразно расположенных друг к другу, разделяются блестящей лентой реки Шилки.

На своем пикапе мы поднялись на один из хребтов и погрузились в плотный туман. Через час-другой туман рассеялся и путешествовать стало вполне комфортно. Мы ехали по отличной трассе Амур М-27. За окном мелькали маленькие деревушки – Танха, Новоберезовка, Знаменка, а было еще село Новоберезово, по которому ходило много-много козлят. Мы проезжали речки и ручьи с причудливыми названиями, например, видели реки Широкие Лопатки, Нерча, чистые горные ручьи Дуралей и Кручина... Я помню, папа мой всегда восхищался забайкальскими названиями: Борзя, Кокуй, Куэнга.. Он говорил, что даже происхождение этих географических названий понять трудно. «Мы поговорим еще с родственниками о забайкальском фольклоре», – сделала я себе зарубку на память.

«Тишины хочу, чтобы допьяну...», – кричал шансон из магнитофона нашего водителя, бывшего спецназовца, подполковника в отставке, 42-летнего Толика. Толя ставил эту песню подряд несколько раз. Но песня и вправду могла вывернуть душу наизнанку. Не знаю уж, что вспоминалось нашему шоферу Толику – может быть, бои, в которых он потерял 27 своих однополчан, таких же, как он, молодых мужчин. Но я-то думала о своем – о том, как все это было по-русски в нашей поездке, это была какая-то концентрация русскости – душераздирающий шансон, водитель-спецназовец с трагической историей в прошлом, заросли берез за окнами машины, эти небогатые деревушки с церквями, которые то и дело попадались нам по пути, и наше немного запоздалое, но все же обращение к своим корням...

«Тишины, тишины хочу...»

Тишины – в молчании сколотом.

Легким ветром вольно пролечу.

Над крестами, покрытыми золотом...»

Читинские просторы были и похожи, и не похожи на монгольские степи одновременно. Историки бы, наверное, заметили, что это все была единая и неделимая империя Хунну – и она осталась печатью на скуластых лицах забайкальцев, она сверкала небольшой хитринкой в их узковатых глазах. «Мы не совсем русские, мы – гураны, – говорил отец. – Мы потомки монголов-кочевников и вольных казаков. Мы – скифы», – добавлял отец. Читинские просторы были похожи на монгольские тем, что здесь также встречались пологие сопки и кряжистые

хребты, здесь была такая же изумрудная листва полей и беззвездные ночи. Но в забайкальских степях не было юрт и повсюду стояли милые русскому сердцу березки с блестящими белыми стволами. Стволы в разных березовых зарослях казались нам разными – то бледно-белыми, то светло-белыми, то молочно-мутноватыми...

– Здесь встречается 826 оттенков белого в этих больших березовых рощах, – «загнул» Толя, брутальный спецназовец с нежной душевной организацией.

По пути мы заехали в Нерчинск, бывшую столицу Забайкальского края. Сейчас это совсем маленький городок, всего 14 тысяч человек, «городок не ахти, но жить можно». Чехов сделал этот судьбоносный вывод почти сто лет тому назад, если не больше, но ничего особенно не изменилось с тех пор в этих краях. Вот что, действительно, поражает в Нерчинске, так это Палаццо русского купца Михаила Бутина, владельца железодельных, солевых, винокуренных заводов, барж и золотых приисков: в этом Палаццо мы увидели высокие зеркала с Парижской выставки, мебель из боярышника и березы, изысканную золотую люстру, цветную мозаику из Мюнхена. Молодец, Бутин! Доказал, что в далекой забайкальской глубинке можно построить дворец не хуже, чем в Санкт-Петербурге. 2 года вез зеркала из Парижа в Нерчинск, потребовал сделать именно такую же мозаику, которую заприметил в мюнхенских готических соборах, парк разбил возле дворца в мавритано-готическом стиле. Знай наших! Он был промышленником и миллионером, мужиком крутого нрава, но знал толк в искусстве.

Потом мы заехали в две деревни – Верхнюю и Нижнюю Куэнгу, здесь жили мои бабушка и дедушка – Иван Венедиктович и Анисья Спиридоновна. Сначала машина зарулила в Нижнюю Куэнгу, часть деревни примостилась высоко на пригорке, часть – залегла уютненько внизу. Местные коровы почему-то прятались под мостом. В той части деревни, что находилась внизу, располагался зерноток – это было самое крутое сооружение в деревне, за счет которого она долгие годы выживала. Но после 90-х годов даже этот скромный зерноток развалился. Мы постучались в два-три дома и спросили, живут ли у них в деревне Подойницыны. Оказалось, не живут. Или уехали, или умерли. Если честно, ничего красивого в этой деревушке мы не увидели, не было никакой изюминки. И только мысль о том, что по этим кривым улочкам ходили в прошлом веке наши бабушка и дедушка, грела нам с Сергеей душу.

А потом пикап весело покатило в Верхнюю Куэнгу. Верхняя Куэнга была уже намного лучше. Длинный состав поезда шел под пушистой сопкой, по знаменитому Транссибу – и это было красиво. В центре села стоял универсам сиреневого цвета под названием «Фея». Мы завернули за угол и увидели памятник героям Великой отечественной войны – солдат из белого гипса с ребенком «шел по селу», мы увидели также одноэтажный, но нарядный Дом культуры и бюст Ленина. Немного в отдалении от центральной площадки белела своими стенами невысокая православная церквушка.

Мы зашли в обычный продуктовый магазин. И там обнаружили настоящую «сиреневую фею», величавую деревенскую красавицу – это была Татьяна Голобокова. Она была статной, фигуристой, с высокой грудью, длинными черными волосами и огромными лучистыми глазами, почти на каждом пальце ее красивых рук были нанизаны золотые кольца. Я подумала, мы зашли в магазин где-нибудь в Верхнем Париже, а это была всего лишь навсего Верхняя Куэнга. Сестра Вера сообщила нам, что Татьяна простояла за прилавком 35 лет, вот в этом магазине и никогда не хотела ничего менять в своей жизни.

– А она, выходит, знала, что сегодня в Верхней Куэнге будут гости издалека? – спросила я. – Она так ярко, красиво накрашена.

– Ничего она не знала, – удивленно ответила Вера. – Она так выглядит каждый день.

Мы спросили у Татьяны, живут ли в Верхней Куэнге Подойницыны. Оказалось, что живут. Но только у нас с ними нет никаких родственных пересечений. Именно поэтому в Куэнге мы ни к кому заезжать не стали, а отправились дальше. Видели по пути несколько пустых коровников.

– Когда-то Нижняя Куэнга, Верхняя Куэнга и Болотово были объединены в колхоз «Забайкалец», это был передовой колхоз, возглавлял его Герой социалистического труда Владимир Ксенофонович Ярославцев. Слава о нашем колхозе разлетелась по всему Забайкалью. Но, увы, все отгрело... Ничего от прошлого не осталось. Вот, правда, стела на память об Ярославцеве стоит в степи...

Дальше мы направились к заветной точке нашего путешествия – селу Болотово. Мы пришли в приподнятое настроение – наконец-то! Долго же мы к нему добирались, к Болотово (имеется в виду, не в пространстве – во времени), колесили по всяким заграницам. Яркое солнце – Ярило сверкало высоко в небесах. Да, впрочем, все славянские языческие боги были в этот день на нашей стороне. Стояла безветренная теплая погода. Лес шелестел тяжелой свежей листвой. А когда мы въехали в Болотово, на улицу Центральную я тут же вспомнила слова папы о самобытности деревни. Красивы были сопки, красива была полноводная широкая река Шилка, которая спокойно и с достоинством несла свои воды рядом с деревней. Точнее, это деревня приклеилась навсегда к Шилке, это деревня нашла речку, а не наоборот – и теперь они уже друг без друга жить не могли. Железнодорожное полотно возвышалось над деревней, над рекой, а внизу гремел буйный горный ручей, который впадал в Шилку.

Болотово тоже располагалось как бы в двух уровнях – на верхнем уровне, на пригорке стояли добротные дома и внизу, рядом с ложбиной, где пасли коров и козлят, тоже располагались строения. Наверное, по этой ложбинке когда-то протекала река. Мы поехали туда, за ложбину – в дом, где когда-то жили Верины родители Ольга Сергеевна и Михаил Семенович, потом проживал Верин родной брат Саша с семьей, а сейчас осталась только одна невестка Людмила, которая нас и встретила. Увы, и родители, и брат Веры ушли уже в мир иной.

Мы подъехали к крепкому дому с огородом, множеством живности и оранжевыми саранками и к нам навстречу вышли две не молодые, но приятные женщины – Людмила и Марьяна, но все называли ее Марой. Они улыбались открытыми радостными улыбками, им очень хотелось поскорее увидеть родственников, прибывших издалека. Людмила была, как я уже сказала, невесткой, а Мара была нашей прямой родственницей – троюродной теткой по крови и приехала из села Кокуй, специально на нашу встречу.

За чашкой чая в уютном деревенском доме мы стали обсуждать семейные истории. Я спросила, можно ли искупаться в Шилке, ведь погода к этому явно располагала. Присутствующие за столом рассмеялись: оказалось, в Шилке почти не купаются, даже в хорошую летнюю погоду, слишком река своенравна. Хотя под мостом можно попробовать это сделать, там плещутся кое-где тихие заводи. Мы с братом спросили про дом, в котором родились наши родители, этот вопрос нас горячо интересовал. Я еще вспомнила слова Веры Николаевны Шеломцевой, что дом мы «найдем, найдем». За столом снова рассмеялись.

– Дело в том, – пояснила нам невестка Людмила, – что того дома, настоящего, в котором провел детство твой отец на самом деле уже нет. Дом был крепкий, большой, один из лучших в Болотово, хотя и стоял немного на отшибе деревни, но Вася Пинюгин, тоже наш родственничек, умудрился в 1987 году его сжечь. Правда, на том же самом месте, на той же земле построили его почти полную копию. Так что дом вроде как есть, и вроде как его и нет. Но сходить на пригорок можно – тот «клочек земли» все равно хранит память о ваших самых родных людях.

На небольшом семейном совете было решено сначала сходить искупаться, а потом подняться на пригорок. А дальше с нами произошел забавный случай, из тех, что украшают путешествия.

Итак, мы отправились к мосту, к Шилке. На пригорке стояла одноэтажная четырехклассная школа, которая была построена в 1965 году, окнами, фасадом она выходила на Шилку. В ней работало 2 учителя и училось 10 детей. В Болотово летом 2018 года проживало 198 человек. Я представила, как уютно и романтично учиться в этой славной школе. Идти в нее по деревенским тропинкам, помахивая портфельчиком, смотреть на широкую ленту реку из окон

класса. Весной смотреть, в солнечную погоду, когда вода серебрится, осенью, когда в школьном вальсе кружат желтые листья и зимой, когда в реку падает снег, тая по пути. Безотрывно смотреть и грезить о дальних странах...

А теперь о забавном случае. Мы с Верой пошли купаться под мост, там протекала река Крутая. Вначале нам показалось, что эта мирная горная речушка вовсе не соответствует своему угрожающему названию. Мы осторожно ступали по камням, потом стали плескаться в воде, было очень мелко, чтоб заплывать по-настоящему. Чуть позже мы все-таки забрели поглубже, к каким-то маленьким кустистым островкам и заплыли. Однако, когда стали выбираться из реки, попали в холодные, просто ледяные струи воды, которые были к тому же очень жесткими. Струи воды обжигали – идти было трудно. И вот тут-то мы поняли, что река и вправду крутая и коварная.

Когда мы оделись и поднялись в деревню, я предложила: «А, может, постучимся в какой-нибудь дом по пути и согреемся, а то у меня пятки горят от холода...» И мы постучались в дом по пути, на вопрос: «Кто это?» ответили: «Подойницыны...» Нам навстречу вышел высокий поджарый мужчина и полноватая миловидная женщина. Удивительно, но и они оказались нашими родственниками. Мужчину звали Виталий Афанасьевич Вологдин. Сестра рассказала, что в Болотово живет немало людей под такой фамилией, они приходят сюда из села Вологдин Ключ, образуют семьи.

Вологдины пригласили нас в дом, угостили клубникой. Виталий Афанасьевич достал огромные валенки и я одела их, чтобы согреть ноги. Вологдины были очень довольны, что прожили всю жизнь в деревне, Болотово они считали лучшим местом для жизни. Ведь деревня была так красива! Виталий 35 лет проработал бригадиром на железной дороге, на участке «Верхняя Куэнга – Сретенск», его бригада следила за состоянием шпал, рельсов. Виталий со своей супругой вырастили хороших детей.

– Я видел, – сказал мой наблюдательный брат, – эти рельсы на железнодорожном мосту были сделаны в 1933 году на Куз. М. З. им. Сталина, сегодня прочел, залазил прямо под шпалы. Это, наверное, Кузбасский металлургический завод. Тогда все делали на совесть...

Все промолчали – Сталина в Болотово не любили. Неожиданно Виталий сделал заявление:

– А я сегодня, пожалуй, пойду охотиться на горного гурана. Ночью пойду, один. Хочу, чтобы гости попробовали настоящее мясо.

Мой брат пришел в неопишуемый восторг. Это было экзотично: охота-ночь-гуран, как в приключенческом романе. И Сергей стал задавать Виталию Афанасьевичу массу вопросов. Вот что Виталий нам поведал: он пойдет охотиться один, сначала переплывет в утлой металлической лодке на ту сторону Шилки. Потом будет бродить по лесу и достаточно долго выслеживать самца – это отдельное искусство. Самку и детенышей трогать не посмеет. Будет искать жилистого взрослого гурана весь вечер и, если придется, даже ночь. Потом выстрелит в него, скорей всего, не промахнется и вместе с тушей вернется на лодке домой. Кожу сдерет и утром принесет «голового» гурана в дом Людмилы. Дикое мясо, говорят, при жарке получается отменным. Серега рвался поплыть вместе с Виталием, но тот только посмеялся, правда, заверил, что с утра обязательно придет в дом Пинюгиных и все расскажет.

Мы попрощались с гостеприимными хозяевами и пошли вверх в деревню. Неожиданно мы услышали сзади их крик:

–Ваня! Катя! Ваня! Катя!

Больше всех удивилась я – это были имена моих родителей. Почему хозяева дома стали громко выкрикивать их имена? Оказалось, что за мной увязались в деревню два козлика, с черно-белым окрасом. Одного из них звали Ваня, второго, то есть вторую – Катя. И я решила, что это и были мои родители, реанкорнированные в козликов, как в известной русской сказке. Мама и папа просто выпили водицы из какого-то озера.

Мы вместе с братом и сестрой дошли до дома, где 90 лет тому назад жила семья Подойницыных. Здесь жили и были счастливы несколько лет моя бабушка – статная высокая красавица Анисья и мой дедушка – невысокого роста, но тоже симпатичный русский мужичок Иван. Они перебрались сюда из Нижней и Верхней Куэнги, после свадьбы. Здесь родилось мое милое русское солнышко, взросло на забайкальский небосвод – мой отец, ставший впоследствии очень известным человеком, правда, в других краях. Здесь в доброй православной семье появилось на свет шестеро детей. А потом мой дед Иван Венедиктович, скрываясь от сплетен и злобы односельчан, которые преследовали его семью после расстрела родного брата Сергея Венедиктовича собрал всю свою большую семью и нехитрый скарб и перебрался в Албазино. Жили они и в других деревнях вдоль Амура и Шилки.

За зеленым забором стоял одноэтажный бревенчатый дом, у него были окна с нарядными зелеными наличниками, дом утопал в зелени. Мы с братом зашли в ограду дома – нынешние хозяева разрешили нам это сделать – и набрали немного землицы, чтобы увезти ее с собой – ведь по этой земле ступали когда-то наши сродники, она хранила память их прикосновений.

Вечером в уютном доме Пинюгиных снова собралось много людей, развернули столы и стали не только ужинать, но и вести самые разные разговоры. Например, коснулись такой темы как Албазино. Брат спросил:

– Албазино ведь из всех деревень и сел по Амуру и Шилке самое знаменитое? Мы тем летом путешествовали по дальневосточным городам и в Благовещенске увидели афишу «Горький хлеб Албазина» – про историю этого острога. Жаль, посмотреть не смогли – театр был на каникулах. Помню, и дядя Ваня гордился тем фактом, что они жили своей большой шумной семьей в Албазино. А кто знает историю этих мест?

– Я немного знаю, – сразу откликнулась Вера. – В середине XVII века Забайкалье вошло в состав России. Здесь было много ссыльных, переселенцев, казаков вольных и беглых... Им было, где здесь разгуляться и позабавиться. Казаки в основном и создавали эти села, и военные остроги они, конечно, строили. Не хотели возвращаться в Центральную Россию. Болотово, по преданию, возникло также как и Знаменка в середине XVII века. Здесь у нас один дом в Болотово остался с XVII века – я вам покажу. Раньше деревня называлась Ишикан, также называлась и река. Твой отец, Ира, и мой дядя рассказывал мне как-то, что мы – Подойницыны ведем свой род от воронежских казаков, которые давно сюда, на Ишикан пришли, да так здесь и остались...

– Да, я тоже слышал эту байку про воронежских казаков..., – сказал брат. – А вот Албазин? Говорят, он все набеги китайцев отразил и ни разу не сдался, – пафосно добавил брат.

– Это так, да и не так одновременно, – откликнулась я. – Это просто легенда. Казаки, между прочим, те, что были на государевой службе, стали продвигаться на Амур из Якутска, с моей родины. Первым был Иван Москвитин, который пришел на Амур в 1639 году. Тяжело шли: без дорог, только по рекам, волоком тащили с воды на воду струги и тяжелые грузы, гнус не давал никакого покоя... Потом на поиски неведомой и богатой земли отправились из Якутска экспедиции Василия Пояркова, Ерофея Хабарова и др. С конца XVII века на Албазин стали нападать маньчжуры. Первая жестокая осада была в 1671 году. Московское правительство организовало в Албазино воеводство, чтобы укрепить оборону забайкальских земель от врага. Воеводой был назначен Алексей Толбузин, позже китайцы его все-таки убили. Многотысячные маньчжурские войска то и дело одолевали Албазин, бои были страшными. И вот, наконец, в августе 1689 года в Нерчинске подписали мирный русско-китайский договор. Побег прекратился... Но мало кто знает, что русские просто ушли из Забайкалья, они срыли острог Албазин. Русские спасали служилых и их семьи, это была вынужденная компромиссная мера. В XIX веке Албазинский острог по-новому отстроили и вновь заселили. После принятия Пекинского договора 1858 года Дальний Восток стал русским навсегда.

Родственники, слушавшие мою проникновенную речь, бурно захлопали. А Мара, наша тетка из Кокуя, добавила такую важную деталь в мой исторический спич:

– А я знаю такую бравую икону – «Слово плоть бысть», или Албазинская чудотворная. Ее привез в Албазин старец Гермоген. Сказывали, что икона очень помогла албазинцам при первой осаде маньчжурами. Потом Гермоген взял эту икону с собой в Сретенск – православные боялись за ее судьбу. Но спустя века икона вернулась в Албазин...

– А вот мне понравилось выражение «бравая икона». Так говорили? – я решила перевести разговор в более бытовое русло, гости немного устали от серьезностей истории.

– Говорили, говорили, это забайкальский говор, – все сотрапезники оживились и стали болтать, перебивая друг друга.

– На Амуре говорили «аманат», то есть заложник, – сказал кто-то за столом.

– У нас говаривали «сухарники», то есть любовники, – сообщила Людмила.

– А я знаю слово «паря» – однако, «ребзя» – ребята и «тятя» – отец, – кричал мой брат Сергей, стараясь обратить на себя внимание и всех перекричать.

– Да нету такого слова – «тятя», – засомневался кто-то из присутствующих.

– Как нету? – чуть было не обиделся мой брат. – И дядя Ваня, и дядя Гена, да все называли Ивана Венедиктовича «тятей»...

– Хватит спорить, – примирительно сказала Мара. – Сейчас байку расскажу. Народный фольклор Болотово. Заходит покупатель в магазин и спрашивает: «А что у вас есть?». Ему отвечают: «Да, почти ничего и нету. Есть только нитки мотошные, да сахар комошный». А вот народный фольклор села Шалапугино. Одна подруга спрашивает другую, у которой муж ушел на работу: «Где ж твой мужик?». А та ей отвечает: «Да на лесопилке шоркается...»

Еще долго смеялись, пили чай, спорили. Даже не заметили, как в окна стала заглядывать любопытная ночь. Потом, наконец, пошли спать. Так как людей в доме было много, некоторые уснули на полу. Все стихло и успокоилось в прохладном деревенском доме. И вдруг я услышала два выстрела, один за другим, где-то вдалеке. Это были приглушенные выстрелы, они звучали как новогодние хлопушки. Я стала переворачиваться на другой бок, как вдруг услышала голос брата, который спал за печкой: «Ира, слышала? Это Виталий за рекой убил гурана...»

На следующий день, рано утром Виталий принес нам «голового» горного козла, как и обещал. Все проснулись, попили чай и отправились на деревенский погост – успеть надо было до обеда. Мы почтили память наших предков, наших сродников, принесли им цветы. Два памятника привлекли мое внимание. На одном я прочла: Анфиноген Афанасьевич Подойницын. 1871-1937. Мне понравилось не только имя, но и облик моего далекого предка: длинные светлые волосы, обруч вокруг головы, борода. Говорят, он был странником, путешествовать любил, вел какие-то записи. Даже сквозь толщу веков я ощутила изысканность этого деревенского интеллигента, тоже убиенного режимом Сталина. На втором памятнике я прочла: Андрей Анфиногенович Подойницын. На его могильном памятнике сияла звезда – значит, Андрей Анфиногенович был участником Великой Отечественной войны. Про него местные болотовские жители сказывали так: он был творческим человеком, что-то конструировал, школьников этому делу учил, статьи писал в сельские газеты... Мой дед, мой отец, мой сын – все Иваны Подойницыны – любили путешествовать, делать записи в дневнике и писали статьи в газеты. И мне представляется, все это было не случайным совпадением...

– Надо успеть зайти в местный медпункт и познакомиться с Еленой Подойницыной-Веселовской, нашей прямой родственницей по линии дедов, – озабоченно сказала Вера. – Времени у нас не так много, поспешим. Еще ведь хотелось бы, чтоб вы поднялись на сопку Елань и увидели сверху просторы Болотово.

И мы бодрым шагом отправились в медпункт. По пути я затеяла разговор на тему, которая меня давно интересовала, а посещение погоста только усилило этот интерес. Я решила обсудить, есть ли в нашем роду профессии, которые по-особому популярны.

– Точно знаю про две профессии, – сказала Вера, чуть подумав. – Во-первых, это профессия медика. Мара 41 год проработала медсестрой, и до сих пор врачует. Я работаю врачом уже много лет. Елена Подойницына – фельдшер. После окончания Читинского медицинского училища вернулась на малую Родину и осталась здесь, зная, что надо помогать людям. И вторая профессия – это доярка. Здесь Подойницыны тоже отличились, награды имеют. Но надо, наверное, провести этот анализ более серьезно.

Мы подошли к медпункту, но, увы, Елену не застали. Тогда мы отправились к ней домой, но дом был закрыт на замок. И Вера предположила, что фельдшер срочно уехала кого-то лечить в другую деревню.

– А вообще Елена работает в медпункте 30 лет, многим людям помогла, на свои деньги она покупает детское питание для детей пьющих родителей, проще говоря, деревенских бичей. И такие у нас имеются. Вот о чем я подумала, – заметила Вера, – нашла еще ярко выраженные подойницынские черты характера: незлобивость, благородство, желание помочь ближнему...

Елену Подойницыну мы так и не нашли. А на Елань поднялись. Полюбовались еще раз на деревушку, примостившуюся в ложбине у сопки, утопающую в зелени, увидели перспективу убегающей вдаль реки. Жаль, багульник отцвел – он всегда украшал сопки Забайкалья. Но цветов здесь, на макушке сопки и так хватало – синих, сиреневых, оранжевых. Травы здесь были высокие – мы полежали в них, отдохнули. И деревья стояли высокие, и первозданные. Небо над нами наклонилось чистое – никаких смоков и туманов. Я лежала в траве, слушала песню кузнечиков, и думала: как хорошо все-таки, что мы сюда добрались, что мы узнали так много нового о своих родственниках, о своих корнях. И на душе от этого стало намного спокойнее и просветленнее. Как будто мы очистили наши души. Конечно, упоительно лежать на берегу Сиамского залива и есть кальмары, запивая кофе, приятно бродить по Монмартру, обозначая в душе, что ты в центре Европы... Все это так. Но только здесь, в Болотово душа отдохнула по-настоящему, распрямилась и наполнилась новыми силами. Здесь я испытала настоящее упоение и настоящее счастье. Здесь, на сопках Забайкалья, бывших сопках Маньчжурии, а не на возвышенностях Монмартра я нашла центр Вселенной и смысл своего существования на земле.

Мы попрощались с родственниками, поблагодарив их за теплый прием и хлебосольство и сели в пикап. Заливные поляны и березки в цветном калейдоскопе мелькали за окном. Это был август – кое-где уже проступали желтые листья. Мы ехали быстро, отчаянно, круто поворачивались на поворотах и уже нигде не останавливались.

– Запишите там у себя, – сказал Толя. – Я афоризм придумал: когда у тебя 300 кобыл под капотом, ты должен ехать быстро...

– Запишу, запишу, – пообещала я. – А ты лучше включи шансон. Мы много говорили, а теперь давайте помолчим, – заключила я.

И Толя включил шансон:

Тишины хочу, чтобы допьяну
Тишины и не жаль память стертую
Чтобы осень листьями желтыми
Мне накрыла душу распростертую.

Кофе вуду

Распитие кофе для меня всегда было ритуалом вуду. Это магическое действие соединяло меня с друзьями, которые также как и я, хотели погрузиться в насыщенную атмосферу интеллектуального разговора. А он под кофе шел легко, непринужденно! С кем я только кофе не пивала?! С профессорами российских и зарубежных университетов, своими коллегами, с музыкантами – рокерами в культовом заведении Hard rock cafe по всему свету, с актерами провинциальными, из театра своего отца и со столичными... И особую строку в этих «кофейных хрониках» Харона занимают известные люди...

Спросите, почему? Потому, что хочется прикоснуться к славе. Но не только поэтому. В процессе разговора могут возникнуть такие неожиданные темы, которые не говорятся «на публику», и тонкая ниточка интеллектуального единства может хотя бы на время связать с человеком необычной судьбы. Одним словом, расскажу о славном ритуале кофепития с двумя известными, великими мужчинами и о своем общении с ними...

...Начну с того, что в центре небольшой северной столицы стоит-работает гостиница «Полярная звезда». На мой взгляд, отель хорошего уровня. И вот прохожу я однажды, в одно июньское утро 2012 года мимо лобби-бара на втором этаже отеля (спешу на научную конференцию) и вдруг вижу – в кремовом кожаном кресле сидит мужчина достаточно солидного возраста (примерно под 70 и даже больше!). С седыми коротко стриженными волосами и ярким выразительным профилем Симонова. Пьет чай или кофе. Я хорошо помню этот профиль с портретов Константина Симонова из его книг, которые подобраны в домашней библиотеке. «Жди меня и я вернусь, только очень жди!» – всегда читал мой отец, с выражением и с чувством. Как все дети войны, отец верил в эти возвышенные строки о женской верности. Так, неужели я вижу автора бессмертных строк у нас в Якутске? О, боже мой, о чем это я – писатель Симонов давно скончался, еще в конце 70-х годов! Это просто свет из окна так упал на профиль странного посетителя в баре!

Впрочем, всего через пятнадцать минут, в нарядном конференц-зале, когда началось пленарное заседание конференции, я узнала, что я не так уж и ошиблась. Это был, действительно, Симонов. Только Алексей Кириллович Симонов, сын всемирно известного советского писателя. Сходство между отцом и сыном просто удивительное!

Когда Алексей Кириллович вышел к трибуне, зал, конечно, взорвался аплодисментами. Необычный московский гость заговорил голосом четким, громким, в интонациях и нажиме голоса, да и во всей манере выступающего чувствовалась энергия и экспрессивность. Алексей Кириллович говорил на подъеме – а все потому, что он вернулся в город юности. Впрочем, все по порядку. Алексей Кириллович начал свое выступление с того, что стал пояснять: настоящее имя его отца – Кирилл, но так как писатель с детства не выговаривал буквы «л» и «р», его назвали Константином, это был литературный псевдоним.

– Я приехал в Якутск в 1956 году, когда мне было всего 16 лет, после окончания школы. Работал в Институте Мерзлотоведения, как говорят местные, на Мерзлотке. Впрочем, об этих романтических воспоминаниях чуть позже... Прошло почти 60 лет. Я ожидал увидеть колоссальные изменения, сознаюсь! И что же?! Как был бардак, так и остался! – в сердцах заявил Симонов. Потом слегка остыл (или заставил себя остыть), и пустился в спокойные, взвешенные рассуждения. – Допустим, будем ставить спектакль под названием «Якутск» в некоем театре, так вот «вешалкой», «истоком» этого театра должна стать дорога из аэропорта по улице Держинского, в город. От того, насколько хороша или не хороша эта дорога, будет зависеть наше восприятие региона. Я не увидел следов Алросы, Де Бирса и прочих алмазных мега-гигантов в архитектуре города (люди в зале гулко вздохнули, все знали, что по дороге из аэропорта в город стоят двухэтажные покосившиеся дома!). Где эти триллионы алмазо-долларов?!

Видимо, осели в банках Амстердама, Лондона и др. Вы знаете, каким был Якутск, когда я сюда прибыл «покорять Север»? Не поверите! – энергией, жизненной силой, драйвом от Симонова-младшего веяло за версту. – В Якутске стоял один светофор, посередине улицы возвышался один полицейский и палочкой указывал извозчику на лошади, куда поворачивать... В Покровск ездили за тройным одеколоном, мужики-геологи ездили и я – тоже. Знаю, о чем говорю. Молотов приехал в Якутск и дал телеграмму Сталину: «Якутск – город пыльный, одноэтажный, но вполне цивилизованный». Ох, не сильно этот город изменился с тех пор! Кстати, по поводу Молотова. Слышал, что местные деятели культуры хотят построить музей, посвященный Молотову. Но он же пробыл в Якутске всего три дня! Давайте спросим якутскую молодежь, кто такой Молотов. Молодежь, кто такой Молотов? – зычно произнес Алексей Кириллович Симонов, бросив вызов в зал.

Из молодежи, которая составляла две трети конференц-зала, ни один человек не знал, кто такой Молотов. Девушки и парни смущенно молчали, взрослые люди с огорчением поддерживали молчание. Кто-то пытался ответить за молодых, но Симонов отвел ответ рукой, запретив говорить: мол, пусть сами постараются найти информацию. Речь Симонова была настолько эмоциональной, приподнятой, что сумела все-таки поменять настроение присутствующих. Пришедшие на конференцию люди прониклись какой-то ностальгической грустью, отошли, что называется, от сухого академизма и скрытой тоски большинства конференций («за 60 лет жизнь поменялась, а душа осталась прежней...»). Симонов объявил, что на следующий день проведет мастер-класс по теме с необычным названием «Легко ли быть Симоновым?» Люди искренне обрадовались, предвкушая занимательный разговор.

На второй день на мастер-классе наблюдался полный аншлаг. Алексей Кириллович приехал уже в другом настроении: сдержанный, деловой. Московский гость сообщил аудитории, что уже около 20 лет является председателем Фонда защиты гласности, который проводит большую общественную работу, помогая семьям погибших журналистов, деятелям масс медиа, попавшим в сложную ситуацию. «Я – правозащитник, – пояснил Алексей Кириллович, – а это состояние души. Согласитесь, нелегко договориться со своей душой...» Симонов-младший сообщил, что закончил МГУ, изучал индонезийский язык и даже проработал год в Джакарте. «Но меня всегда влекло кино. Я пошел против воли отца, который хотел, чтоб я был переводчиком и стал заниматься кинематографом», – снова окунулся в воспоминания Симонов.

С азартом увлеченного человека Алексей Кириллович стал рассказывать, чем игровое кино отличается от документального, как сделать съемки естественными, раскрыл технологию съятия кино и, наконец, приступил к главному сюжету своего мастер-класса: Симонов стал презентовать свой фильм «Обыкновенная Арктика». Фильм был снят еще в 1976 году. Кажется, Симонов до сих пор переживал за то, что судьба фильма не сложилась. Симонов воспринимал это как несправедливость. К слову говоря, было заметно, что понятие справедливости (несправедливости) Симонов-младший переживал и осмысливал в течение всей своей жизни, наверное, поэтому и стал правозащитником.

Итак, в фильме многое было сделано хорошо. Его сюжет был не только продуман сценаристом-постановщиком А.К. Симоновым до мельчайших деталей, но и прочувствован им в реальной жизни. Основная сюжетная линия была такова – белое безмолвие снегов и восемь мужественных мужчин, которые осваивают Арктику, в отрыве от цивилизации. Алексей Симонов и сам прожил подобный «кусочек» жизни, он длился у него 1,5 года, когда молодой парень трудился в заполярной экспедиции за 240 верст от Оймякона, мирового полюса холода, в маленьком поселке Томтор. В фильме снялись звезды первой величины: Олег Даль, Ролан Быков, Виктор Павлов, Петр Щербаков, Олег Анофриев... Константин Симонов помог сыну со сценарием, написал вступление к фильму, «заговаривал» проблемы кино. Однако фильм «Обыкновенная Арктика» надолго положили на полку...

Алексей Кириллович надеялся, что мы, участники конференции оценим этот фильм, ведь мы – северяне, мы знаем цену работы в экстремальных условиях. Симонов поставил нам кассету с фильмом, и аудитория долго, внимательно смотрела ее. Это был, действительно, хороший, добротный фильм, может, слегка скучноватый. Но все равно хороший. Увы, мы не успели обсудить фильм – время уже поджимало, должен был начаться другой мастер-класс.

Когда включили свет, Симонов спросил, какие к нему будут вопросы. Наверное, он надеялся, что люди будут высказываться по поводу достоинств его кинематографического детища. У меня мелькнула мысль, что фильм и вправду незаслуженно забыли.

– Скажите, пожалуйста, а почему дожди в знаменитом стихотворении вашего отца «Жди меня» желтые? Ведь не бывает желтых дождей... – спросил кто-то из женщин-преподавательниц.

– А еще ответьте, пожалуйста, ответьте на вопрос, – торопливо вскочил со своего места и затараторил пожилой мужчина интеллигентной внешности, как будто он боялся, что ему не дадут слова, – почему ваш отец развелся с вашей матерью Серовой? Ведь это ей посвящен этот стих...

Алексей Кириллович был явно разочарован вопросами. Про его творчество, его деятельность никто ничего не спросил. Вот вам и ответ на вопрос, легко ли быть Симоновым! Конечно, нет! Приходится взаимодействовать с аудиторией, даже если она не всегда нравится. Приходится искусственно «поднимать» аудиторию над обыденностью суждений.

– Дождей желтых может быть и не бывает, вы правы, – сухо вато, не улыбаясь, – ответил Симонов. – Но это образ: желтые дожди – осень, тоска, разлука... А на второй вопрос, извините, я отвечать не буду! Вот мне подсказывают, что пора расходиться, время мастер-класса закончилось. Спасибо вам за то, что посетили мой мастер-класс! Надеюсь, что чем-то он вам в жизни пригодится.

Я заметила, что Симонов не на шутку рассердился. Я подошла к Алексею Кирилловичу и предложила выпить чашечку кофе, снять напряжение и усталость. Мне хотелось, чтоб у него остались приятные воспоминания о конференции. Он быстро согласился, и мы прошли в небольшой буфет института, в котором организовывался мастер-класс.

– Вы знаете, как мне надоели примитивные вопросы! – эмоционально заявил Симонов, когда мы остались без свидетелей в буфете. – Какой бы образованной аудитория ни была, всегда задают одни и те же вопросы! – продолжал возмущаться он стереотипами поведения людей. – Спрашивают про желтые дожди, обязательно! Ну, это ладно. Может быть, людей можно понять. Даже Емельян Ярославский, друг нашей семьи, как-то спросил, почему дожди именно желтые, ведь можно было написать по-другому, более понятно. Но почему люди считают, что имеют право спрашивать про личную жизнь?! Разве их в школе не учили, что личная жизнь – «закрытая территория», туда не каждому вход разрешен. Все спрашивают про Валентину Серову. Но она не моя мать, она, напротив, разлучница. Тетя Валя очень хотела мне понравиться, старалась. И вроде отношения с ней были неплохие, но полюбить ее я не смог – к ней отец ушел от моей матери, – раздражаясь, говорил Симонов, и в этот момент было видно, что он – пожилой уставший от жизни человек.

– Расскажите, пожалуйста, про свою мать, – попросила я.

Алексей Кириллович увидел, что мне, действительно, интересно.

Он успокоился и заговорил приветливо, доверительно.

– Моей матерью была Евгения Самойловна Ласкина, очень образованная женщина, она работала заведующей отделом поэзии журнала «Москва». Именно ей мы обязаны публикацией в 60-х годах XX века романа «Мастер и Маргарита». Моя мать была хорошо известна в кругах литературной Москвы, – Алексей Кириллович уже не сердился, он с удовольствием пил кофе, отдыхая от напряженного ритма короткой командировки. Раздражение улетучилось, и теперь он смотрелся уже как деловой сильный человек, умеющий справляться со своими эмоциями. –

А, знаете, это ведь Якутску я обязан тем, что он примирил меня с отцом! Я вначале не мог простить отцу, что он оставил нас с мамой. Но когда мне исполнилось 16, я решил стать самостоятельным мужиком. Улетел в Якутск, на край света. Никогда не забуду рейс «Москва-Якутск», он продолжался 36 часов, сделал 7 посадок. На Мерзлотке меня приняли душевно. А в 1957 году отец прилетел ко мне, ему хотелось дать мне наставление в жизни. Мне очень приятно было, что отец добрался до края света – и все ради меня, что он переживает за мою судьбу.

– А вы поедите сегодня на Мезлотку? – спросила я.

– Да что вы, конечно! – обрадовано воскликнул Симонов. – Надо же «усугубиться» граммов на 200, вспомнить юность... Мужики меня очень ждут.

Я поняла, что «усугубиться» – народное геологическое выражение. Мне хотелось чем-нибудь еще пригодиться Алексею Кирилловичу и я рассказала ему, что в Якутске поставлен прекрасный памятник Ем. Ярославскому, сделала его дочь, известный скульптор. Но, кажется, у Симонова совсем не было времени на осмотр достопримечательностей, только Мерзлотка – и сразу домой, в Москву, ждали дела в Фонде. А закончилось наше дружеское кофепитие совсем уж неожиданно. Посмотрев внимательно на меня, Алексей Кириллович заключил: «Вы, наверное, филолог, член какого-нибудь литературного объединения или местного еврейского сообщества – вы чем-то похожи на мою мать...» Я только улыбнулась в ответ, поблагодарив его за приятное и лестное для меня сравнение. Но ни к филологии, ни к еврейству я не имела никакого отношения, разве что отчасти – к литературе. На этом мы и расстались с Алексеем Кирилловичем Симоновым, достойным сыном великого отца, который «прозой жизни дописывал его стихи». Именно так написала о Симонове-сыне одна израильская газета.

Что касается второго героя моего рассказа про интеллектуальные кофепития, то он еще более знаменит, чем первый. Про второго моего героя можно сказать эпитетами: он – Человек-легенда, Человек-эпоха, его жизнь воплощает в себе историю страны, от Братской ГЭС и БАМа до перестройки. Речь пойдет про Евгения Александровича Евтушенко. Судьба великого поэта, его молодые годы также были связаны с нашей северной республикой. И поэтому однажды – а именно весной 2015 г. Евтушенко решил приехать в Якутию, встретиться с друзьями, с которыми сплавался на байдарках по Лене и Алдану и, конечно, почитать стихи народу.

У меня был пригласительный билет на концерт Евтушенко в Якутском драматическом театре. Дата концерта – 2 мая 2015 года. Я предвкушала, что услышу любимого поэта, особенно вот эти строчки одинокого пилигрима: «Со мною вот что происходит, совсем не та ко мне приходит...» Помню советские компании, бобины с записями Высоцкого, чей-то пьяноватый голос нараспев читает Евтушенко «Со мною вот что происходит»... Это были 70-е, питерские общаги, посиделки студентов-гуманитариев.

2 мая 2015 года, в ветреный праздничный день я собиралась на концерт поэта. Мой папа был тогда еще жив, попросил: «Напиши записку Евтушенко, пусть прочтет «Хотят ли русские войны...», а ты запиши на диктофон. Я дома послушаю» Я обещала исполнить просьбу.

Но все оказалось как нельзя плохо! Двери театра были наглухо закрыты, хотя на концерт я явилась вовремя. Перед театральными дверями бурно возмущалась, можно сказать, бесновалась внушительная по размерам толпа страждущих. Ветер сносил любителей поэзии с ног. И что примечательно, не только у меня и моих спутников, у всех остальных «непопавших» тоже были пригласительные билеты. Что же произошло? Натуральный «развод по-русски»! Билетов специально напечатали больше, чем требовалось – чтобы создать ажиотаж?!

Люди стояли под дверями, мерзли, ежились от холода «на продрогшей земле якутов», но не уходили. Много объяснялось тем, что подавляющее число из них были детьми советской эпохи, как и я. Для них этот концерт означал возвращение в светлое прошлое, прикосновение к настоящим ценностям культуры. Потом пришел какой-то человек со двора (чтобы не открывать главную дверь театра), поставил динамик и спешно удалился. А мы услышали

громкий, чистый и совсем не старческий голос Евтушенко. Мы услышали: «Иностранцы! Но разве рожали по иному якутов на свет..?! По иному якуты рыдали? Слезы их – инородный предмет?! Люди – вот что алмазная россыпь...» Это был знаменитый и горячо любимый всеми якутянами стих Евтушенко – «Алмазы и слезы». Мы прослушали примерно семь-восемь стихотворений, замерзли вконец и уехали с друзьями греться в ресторан. Не скрою, я была очень расстроена. Мне дали «Варшавский кофе», который мало чем отличался от обычного «Американо». Если бы я знала в тот момент, что через год примерно мне выпадет случай выпить кофе с самим Евтушенко, причем, гораздо лучшего качества (назовем его в географическом стиле кофе «Ленские столбы») – я бы, конечно, расслабилась и просто отдыхала в милой компании. Но, увы, тогда я не знала этого.

Прошел год. У якутян-интеллигентов нашлось время и силы написать письмо главе республики Е. Борисову с просьбой еще раз пригласить великого поэта в Якутию и честно продать на сей раз билеты на его концерты. Е. Борисов и Е. Евтушенко очень понравились друг другу – об этом сообщали местные газеты. Евтушенко написал про нашего президента, что он «человек природы», «человек земли» и посему он внушает ему доверие. Одним словом, Е. Борисов с удовольствием пригласил поэта еще раз приехать в республику, где его очень-очень ждали.

...8 июня 2016 г., речной порт г. Якутска, комфортабельный теплоход «Демьян Бедный», маршрут – Ленские столбы. Эти гигантские каменные глыбы, нависшие над рекой, насчитывают 600-700 миллионов лет. На первый взгляд, стандартный туристический круиз, но это далеко не так. На теплоходе отплывает вместе с обычными отдыхающими Евгений Александрович Евтушенко с женой Марией и своими близкими друзьями, родом из юности – Владимиром Щукиным, открывшим алмазы Якутии в 50-х годах XX века и Георгием Балакшиным, геофизиком. Евгения Александровича осторожно подсаживают на корабль, ведут по скользкому трапу – у поэта болит нога (кажется, у него вообще протез, в весенний приезд он даже ездил на коляске). Пассажиры выбегают на палубы, чтобы посмотреть на торжественный момент посадки поэта – просто не верится до последнего, что «легенда» поплывет вместе с нами.

Пассажиры так радуются возможности отдохнуть, вырваться из холодного мая в теплый июнь, что как только теплоход отчаливает от берега, начинают группироваться в каютах и громко открывать шампанское. Мы с Сандрой пьем розовое игристое вино «Крым». Из динамиков теплохода звучит музыка. И вдруг хорошо поставленный мужской голос стюарда объявляет, что Евгений Евтушенко ждет всех в большом холле корабля на первый поэтический вечер. Мы слегка удивляемся: ведь поэт устал от деловых встреч в городе, надо бы полюбоваться на природу... Но, конечно, направляемся в холл.

Евгений Александрович приходит свежим, подтянутым, в яркой летней рубашке и начинает неторопливо рассказывать о своей жизни. Наверное, для того, чтобы мы лучше поняли его стихи. Евтушенко повествует, что его родители были геологами, они оба участвовали в изысканиях того места, где будет строиться Братская ГЭС, даже не подозревая о том, что их сын в будущем напишет поэму «Братская ГЭС» и эту поэму переведут на многие языки мира.

– Первая «поэма», которую я написал, в 7 лет, была Поэмой протеста. Я очень переживал, что мои родители разводятся, я любил и мать, и отца, – вспоминает Евгений Александрович. Он долго ищет текст своей первой «поэмы», бурча себе под нос, что слишком много написал и трудно найти нужный стих. Наконец, находит и громко, с выражением читает: «Был бы я моей женой, не развелся бы со мной!». Взрыв аплодисментов и смех в зале. Люди удивляются находчивости мальчишки, который так оригинально выразил свою боль по поводу расставания родителей.

Евгений Александрович начинает говорить о военной теме. Он рассказывает, что давно хотел написать стих про военные свадьбы, когда парня, завтра уходящего на фронт, срочно расписывали с его любимой девушкой. Свадьба пила и гуляла по полной. Жених почти не пил, ведь предстоящая ночь с любимой могла быть первой и последней в его жизни. Часто

совсем юные девчонки оставались вдовами на всю жизнь. Евгений ходил по военным свадьбам в качестве плясуна, с одного праздника – на другой. Он часто танцевал с каким-то азартом «последнего момента», иногда искусственно создавал веселость: «Мне страшно, мне не пляшется. Но не плясать нельзя!» Так заканчивается стих. Пронзительный стих, мне хочется плакать. Я вспоминаю своего папу, его уже нет в живых. Как он любил песню: «Хотят ли русские войны?!», всю жизнь ее пел на каком-то изломе, уж он-то знал, что поет: в 14 лет встал к станку, работал за отца, ушедшего на фронт, кормил четырех сестреночек и братишку. Жаль, не получилось тогда весной, год назад сделать для папы запись военных стихов Евтушенко, человека его поколения. Кто ж знал, что так все обернется!

А вообще свое жизненное кредо Евгений Александрович четко и лаконично определяет в самом начале первого поэтического вечера.

– Я ко всем людям отношусь хорошо, все могу понять и простить, но вот бюрократов и снобов ненавижу. Люди делятся на благодарных и неблагодарных. Я считаю подобное разделение ключевым. Когда человек не помнит добро, которое ему сделали, ну, например, в войну дали лишний кусочек хлеба, – это не божий человек, не христианин, и, я бы сказал, не настоящий русский человек.

Евтушенко читает стихи час, голосом оратора и проповедника. И, наконец, в конце поэтического часа декламирует сакраментальное: «Со мною вот что происходит... Совсем не так ко мне приходит» Потом мы с ребятами выходим на верхнюю палубу освежиться. Парень-фотограф устраивает мне фотосессию на фоне рубинового и даже пурпурно-красного заката. А, может быть, закат кажется мне пурпурно-красным потому, что градус настроения зашкаливают намного выше среднего, обыденного – «все хорошо, так себе». Да все просто отлично! Испытываю ощущение приобщенности к чему-то необычному, ощущение невесомой легкости бытия.

...Я раздвигаю в своей милой каюте серые легкие занавески, и через них меня приветствует госпожа Белая ночь. В такую ночь плыть по реке – одно наслаждение. Корабль идет быстро и ровно, скользит по волнам. Я проваливаюсь в глубокий сон, в котором уютно куда-то плыть и плыть, и просыпаюсь отдохнувшей только утром, когда солнечные лучи уже ласкают водную гладь. После завтрака объявляют Конкурс чтецов.

Народных талантов оказывается немало. Всем нравится маленькая девочка в розовом платье, она читает патриотичный стих Евтушенко про Россию и даже пытается забавно подражать манере поэта. Когда маленькая чтица в розовом с пафосом произносит последние строки: «И хранит Господь тебя, Россия! Если нас не будет – будь!», зал просто взрывается аплодисментами. Хлопает и Евтушенко, которому явно нравится прелестница. Он, как председатель жюри конкурса, определяет чтице I-е место.

Вторым приз зрительских симпатий заслуженно получает парень лет четырнадцати – он декламирует С. Есенина «Письмо к женщине». Подросток так страстно и ярко читает, как будто сам уже прожил жизнь любовника, чувственного мужчины. Евгений Александрович видит талант этого парня, маэстро замечает, что поэму Есенина читать очень сложно, не всем, даже маститым актерам это удастся. III место занимает славная девочка с большими желтыми бантами в черных косичках – она читает стих на якутском, и Евтушенко хвалит ее за это.

Неожиданно обращает на себя внимание плывущей публики Мотышка-поэтесса, представитель местной богемы. Светская львица местного разлива выходит на сцену, вся в черном, обвешанная золотыми украшениями. Она начинает эмоционально рассказывать про Марию Юдину, гениальную пианистку, однокурсницу Шостоковича. Матрена сообщает, что Юдина была щедра, великодушна, великолепно образованна. Как-то И. Сталин услышал, как божеественно играет М. Юдина, восхитился, послал ей деньги. Юдина отправила деньги обратно «отцу всех народов», с пожеланием отстроить ему Храм божий и замоливать свои грехи. Мотышка читает свой стих, посвященный этой храброй и талантливой женщине, стих, который написала

в свои 16 лет. Посередине своего изложения светская львица стих забывает, все путает, но потом все же заканчивает на ударной ноте. Публика в холле кричит: «Браво!» Евтушенко не присваивает Моте никакого места, но оценивает ее творчество, добавляя, что когда-то Мария Юдина поддержала его самого, в период травли и преследований в Советской России. Кажется, Евтушенко знаком со всеми великими людьми эпохи – с П. Пискассо, Р. Никсоном, Б. Ахмадуллиной, М. Юдиной, И. Бродским, К. Чуковским и др.

В полдень мы подплываем к Ленским столбам. Лето уже вступает в свои права – печет не на шутку. Мы спускаемся вниз, с корабля, чтобы принять участие в обряде Алгыс. Старый шаман с длинными волосами, ему уже исполнился 81 год, начинает обряд с посвящения великому русскому народу – обращаясь к Перуну, он кормит огонь. Потом шаман переходит на якутский язык и начинает «заигрывать» уже со своими языческими богами. Пройдя обряд, путешественники, пассажиры корабля «Демьян Бедный» начинают подниматься на смотровую площадку Ленских столбов.

А вечером организуется заключительный поэтический вечер. Вечер случается теплый, спокойный, полный штиль на реке – и стихи как будто летят над Леной, парят высоко в небесах как свободные птицы, именно парят – над брэнностью бытия и стереотипами суждений, которые так не любил мой первый герой, Алексей Кириллович Симонов.

Вечер открывает Владимир Николаевич Щукин, друг юности Евтушенко. Невысокого роста пожилой мужчина, ведет себя очень скромно, говорит негромко, даже невыразительно, но то, что он говорит, не нуждается в особых комментариях и не требует дополнительной пафосности. Щукин рассказывает, что когда был студентом-четверокурсником Уральского государственного университета, он в составе алмазной партии Читинского геологического управления проходил практику на территорию Якутии и стал... первооткрывателем россыпного месторождения платины. Щукин влюбился в Якутию сразу, с первого взгляда. И чтобы снова попасть на Крайний Север, Владимир добился приема у командующего Уральским военным округом, маршала Советского Союза Г.К. Жукова. В 1952 году Георгий Константинович благословил упорного парня на великие открытия. И был прав! Впрочем, скромный Щукин этого не произносил вслух, но уверена, что именно так подумали про себя все слушатели. Владимир Николаевич также вспоминал, как трудился в Амакинской и Ботуобинской экспедициях, как стал первооткрывателем трех коренных месторождений алмазов – трубок Удачная, Интернациональная, Сытыканская. Любовь к геологии, модной профессии 60-х объединила Щукина и Евтушенко и, как оказалось, крепко связала их друг с другом на всю жизнь...

Сам мэтр был настроен в этот чудный вечер добродушно, ему хотелось поговорить, порассуждать – листая свои книги, он размышлял вслух на самые разные темы. Про Ленина, как он был жесток, как поставил своей верховной жизненной целью отомстить за брата-террориста («Это Ленин отправлял всех в ГУЛАГ, Сталин только продолжил линию...»), про молодежь, которая должна читать А. Солженицына («Молодые говорят: мы читаем Солженицына, скучно, не наше поколение... Да ваше это поколение! Не будете читать, не поймете, что все еще может повториться...»). Аудитория жадно ловила наставления-уроки великого мастера.

Евтушенко снова вспоминает прошлое, замечая, что его выгнали из Литературного института, а теперь он лауреат всех возможных премий...

– Вот прямо перед поездкой в Якутию, – делится поэт радостной новостью, – я посетил Италию. Мне вручили премию Вергилия. Это очень престижная премия. Теперь мне не страшен ад, – улыбается Евтушенко. – Вергилий был поводырем Данте по аду...

Потом поэт устраивает автограф – сессию: Евгений Александрович у каждого спрашивает имя, профессию, интересы и делает приятные, человечные надписи на книгах. Мне он тоже надписывает книгу стихов, заметив, что я – его коллега, то есть вузовский преподаватель. Желающих подписать книги набирается много, все выстраиваются в очередь, а мы идем танцевать на палубу.

Но какая-то червоточинка грызет меня изнутри: я ведь не поговорила с Евтушенко, не задала ему вопросы, которые меня волнуют, а на часах уже полночь. Круиз «подплывает» к концу. А вдруг другого такого случая не представится?! Одним словом, танцевать не танцуется, и я возвращаюсь в холл, где только что закончился поэтический вечер. То, что я вижу в холле, повергает меня в легкое недоумение.

Поэт сидит в окружении молодежи – барменов, официантов, пассажиров – и кажется, учит их... правильно пить алкоголь. Он рассматривает бутылки, рассуждает о качестве напитка, наливает алкоголь в бокалы, чуть отпивает и вновь пускается в рассуждения. Бармены что-то быстро записывают (позже они сообщили мне, что записывали рецепт коктейля, который предложил Евтушенко), остальные с удовольствием слушают. Супруги Евтушенко Маши, его доброго ангела-хранителя почему-то нет рядом. Представители многочисленной свиты куда-то тоже испарились. И Евтушенко, почувствовав свободу от рамок официальной встречи, просто отдыхает с молодежью и шутит.

Я наблюдаю за процессом приготовления коктейля и вспоминаю, как моя приятельница, барменша из лобби-бара гостиницы «Полярная звезда» Наталья Томина рассказывала мне: после концерта в Русском драматическом театре, что как раз напротив «Полярной звезды», Евгений Евтушенко, его супруга и его друзья юности Шукин и Балакшин пришли в ее бар. Сидели почти полночи, наверно, отдавая дань юношеским посиделкам. Очень радовались встрече – столько лет спустя! И Евтушенко сказал Наталье: «зачем пить дорогие испанские и германские вина, когда есть грузинские – они ничуть не хуже!» Он заметил также, что он – гурман грузинских вин!

Потом я улучаю момент, подсаживаюсь к компании и обращаюсь к Евгению Александровичу Евтушенко:

– Евгений Александрович, как вы считаете, стоит ли женщине писать Книгу путешествий? Займет ли она свое место на рынке? Сейчас женщины пишут фэнтэзи и детективы, мужчины считают это «несерьезной литературой», а вы как думаете? – волнуясь, проговариваю я на одном дыхании, боясь сбиться с мысли.

Евгений Александрович смотрит на меня и хитро подсмеивается. Но я тешу себя надеждой, что он подсмеивается не надо мной, а над мужчинами, которые считают книги женщин «макулатурой», над этим бессовестным и неприкрытым сексизмом.

– Ирочка! (он запоминает мое имя, потому что только что подписывал мне книгу). Да в сущности, какое вам дело, какое место ваша книга займет на рынке?! Я вообще никогда не думал над этим, когда писал стихи. Если есть внутренняя потребность сказать что-то ценное миру – пишите! И вас обязательно услышат! Пусть даже это будет один-единственный читатель – «Благодарный», так я называю эту избранную породу людей. А что касается жанра путешествий, то это лучший из жанров! Ну, кроме стихов, конечно! Ах да, официант, принесите-ка нам с Ирочкой кофе! – громко просит поэт.

Бармены тут же варят кофе и приносят нам по американо. Евтушенко что-то плескает нам обоим в два бокальчика. Ах да, кофе называется не американо – в моих фэнтэзи он называется «Ленские столбы».

– Ну, так вот, – продолжает мэтр, с удовольствием отпивая и вино, и кофе. Евтушенко, действительно, оказывается гурманом, и литературным, и в сфере хорошего алкоголя. Я же следую его примеру и запиваю кофе вином, или наоборот. Я тоже проявляю себя гурманом, *гурманом счастливых моментов жизни*. – Продолжим! – бодро говорит Евтушенко. – Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву», и мы все до сих пор читаем его. Нам интересно, как писатель-путешественник увидел ландшафт, природу, людей, как описал быт и нравы, какие детали подметил, которые, быть может, не смогли подметить мы. А Марко Поло, а Карел Чапек?! Их дневники путешествий нисколько не устарели. Один мой друг написал

свою первую книгу в 82 года и успел прославиться. Никогда не поздно начать, если есть, что сказать миру...

Евтушенко снова отпивает кофе и вино. И, кажется, готовится пуститься в новый круг рассуждений. Но тут открывается дверь и в холл решительным шагом входит жена поэта, Щукин, Балакшин и прочие представители «звездной свиты».

– Хватит, хватит вести беседы! Евгению Александровичу пора отдыхать! Уже полвторого ночи! – строго говорят вошедшие (я невольно смотрю на часы – и вправду уже полвторого, а в восемь утра мы приплываем в Якутск). Вездесущая и услужливая Мотья тут же подсакивает к поэту и помогает ему встать. Евгений Александрович явно не договаривает и немного обескуражен стремительным появлением секьюрити, но время и вправду летит неумолимо, и наш круиз и вправду подходит к концу.

Я благодарю за советы поэта, желаю спокойной ночи и отхожу.

– У него так нога болит, он так устал, – шепчет мне на ухо Мотья. Она в восторге, что ее допустили в «звездную свиту», будет, что рассказать в богемных кругах маленькой северной столицы.

– Приходите потом пить коктейль «А-ля Евтушенко», – шепчет мне на другое ухо бармен.

Но когда я добираюсь до каюты, я падаю на постель и чувствую, что мне не до «продолжения банкета». Я сразу проваливаюсь в сон. Эмоций накапливается так много, что они плавно переходят в цветные сны. Мне снятся питерские общаги, и в этом легком призрачном видении мы все очень молоды. Мы старательно ставим бобины на пленочный магнитофон – на них Мотья исполняет песни советских бардов. Кто-то декламирует стихи, стоя прямо посередине комнаты и размахивая руками. Кто-то пьет вино из длинного бокала и радостно сообщает, что нет на свете лучше, чем грузинское вино. Сандра сидит на подоконнике и поет под гитару «Со мною вот что происходит...», но ее почему-то никто не слушает. В общагах оказывается даже шаман – ему в этом сне, как и в жизни, 81 год, но он считается своим парнем, шаману поручается разжечь газовую камфорку и совершить ритуал вуду, то есть сварить хороший кофе для всей честной компании.

Евтушенко сидит в уютном кресле и хитро, загадочно улыбается...

Лучшие годы, или маленькая повесть о больших советских людях

Советская Москва, красная Москва – широкие проспекты, вереницы машин – Жигули, Лады, Победы, Волги, плакаты и лозунги советских времен – «Выполним пятилетку в 4 года!». Весна врывается в открытое окно, повсюду – запахи сирени и ландышей. Я радуюсь, что стою с отцом у раскрытого окна. У него – длинные вьющиеся волосы, которыми он гордился всю жизнь, белая накрахмаленная рубашка. Волосы немного развиваются по ветру. Я – студентка факультета журналистики из Ленинграда. А он – председатель Обкома профсоюзов транспортных рабочих Якутии. На дворе – «застойные», но спокойные и уверенные в себе 70-е годы прошлого века. Мы еще живем в СССР.

К нам с отцом, в номер московской гостиницы приходит отличный гость – наш земляк из Якутска Василий Самуилович Рыков. Невысокого роста, крепкий, деловой. Они с отцом пьют ошеломляющий по крепости коньяк. Восхищаются, что он настоящий, стоят, обнявшись, у гостиничного столика. Они с удовольствием пьют и с меньшим удовольствием поют. «Пока я ходить умею, пока глядеть я умею...», «Хотят ли русские войны, спросите вы у тишины» и другие шедевры советской патриотики. Когда русские мужики пили коньяк в командировках, тогда, в СССР, они еще обязательно исполняли такой советский хит как «Куба – любовь моя, остров зари багровой...». Это входило, как бы сейчас сказали, в советский командировочный райдер. И папа с Василием Самуиловичем тоже громко и тщательно выводят строфы этой приподнятой революционной песни.

Вы скажете, что же особенного я нашла в этом скромном, поистертом от времени воспоминании? Воспоминании из журнала «Огонек». У многих или почти у всех были подобные ностальжи. В сущности, обычная история – провинциалы вырываются в Москву и искренне, как подростки радуются всему вокруг – и хорошему уютному номеру, и вкусной еде, и большому количеству машин, и красивым необычным лицам.

Почему же я так запомнила эту встречу?

Да, потому что папа сказал:

– Дочь, запомни вот этого человека: Василия Самуиловича Рыкова! Он такой же, как и я, профсоюзник, только руководит Обкомом профсоюза связистов ЯАССР. Он, так же как и я, всю жизнь в строю: работает, переживает за дело. На таких людях, я думаю, Россия держится. Я вот думаю, что мы с Васей никогда не расстанемся – так и будем идти вместе, рука об руку, всю жизнь.

Думал ли мой отец тогда, в 70-х, что он говорит просто провидческие слова?! Я-то решила, что это просто весна или просто оттепель, запахи свободы,рывающиеся в окно. В Советской России умели быть искренними. Умели и любить, и дружить по полной программе. Ведь так все и получилось: через несколько лет мы стали вместе работать с Василием Самуиловичем в одном тресте – «Северовостокхиммонтаж», в Якутске – я инженером по научно-технической информации, после окончания вуза, а Василий Самуилович – председателем комитета профсоюза треста монтажников. Так что, можно сказать, он принял активное участие в моем профессиональном становлении. А потом Рыковы уехали из Якутии, потому что жена Василия Самуиловича очень хотела жить в теплых краях. Казалось бы, наша дружеская связь должна была прерваться. Но нет! В каких бы городах ни оказывался Василий Самуилович за 19 лет своей «западной» жизни, я почему-то, по каким-то обстоятельствам тоже попадала в эти города и всегда встречалась с другом отца. Это были Крымск, Москва, Королев. И постскриптумом наши семьи – Подойницыны и Рыковы – снова нашли друг друга.

... Василий Самуилович прилетел в Якутск, точнее сказать, вернулся в город, в котором прошли его лучшие годы, почти вся его трудовая жизнь, 22 июня 2015 г. Это был печальный, скорбный день похорон моего отца. Рыков не знал об этом. Он услышал об этом событии в аэропорту, в Якутске. Хотела сказать «случайно», но ничего не бывает случайного в общении людей. Он прилетел на Север, снова ступил на якутскую землю и спросил: «Какие новости в Якутске?» И какой-то человек ответил: «Сегодня хоронят легендарного директора Русского театра Ивана Ивановича Подойницына». И Рыков рванул в театр, на похороны старинного товарища – из аэропорта.

Невысокого роста, крепкий, деловой человек, который старался скрыть свою усталость от жизни и всепоглощающую грусть, вошел и тихо встал у гроба моего отца. Рыков стоял у гроба, с ритуальной траурной повязкой на руке, а по другую сторону скорбного ложа, с такой же повязкой возвышался первый президент Республики Саха (Якутия) Михаил Ефимович Николаев, тоже друг отца. И я подумала, что нам, пока еще молодым надо брать пример с этих мужественных людей, сумевших пронести веру в мужскую дружбу до последнего момента.

В этом рассказе или маленькой повести я хочу рассказать о своем отце, аксакале города Якутска, одном из самых знаменитых его жителей – Иване Ивановиче Подойницыне и о его дружбе с несколькими сильными, харизматичными людьми. Людьми, которые старались сделать в этой жизни как можно больше, которые составляли славу советской эпохи и нашего северного города. Я намеренно составила это повествование из кусочков воспоминаний, которые постоянно вспыхивают в моем сердце. Я перелистываю книгу отца, пока еще не опубликованную, написанную им от руки – убористым почерком, со многими вставками, приписками и опять-таки пост скриптумами, вспоминаю его рассказы, встречаюсь с детьми известных людей нашего города и постоянно пишу – провожу исторические параллели... Это не мемуары, это просто несколько лирических зарисовок, нанизанных на единый хронологический стержень.

Вначале хочется сказать про дом, в котором я родилась, в нем была первая квартира, что получили мои молодые родители, прибывшие на Крайний Север, в Якутск по распределению и по зову сердца. О, это был (впрочем, и есть!) удивительный дом – шедевр советского неоклассицизма: 4 эркера – выступа, несколько маленьких башенок на крыше. В самом центре проспекта Ленина. Заметьте: это были 50-е послевоенные годы, прошлый век. Якутск был почти полностью деревянный, даже его центральная улица. И вдруг такой роскошный дом! В нем жила советская элита, самые известные люди города: первый летчик из саха, Герой Социалистического труда Валерий Ильич Кузьмин, организатор энергетической науки в ЯАССР Григорий Михайлович Чудинов, хирург-новатор, заслуженный врач РСФСР Дмитрий Афанасьевич Гурьев, Председатель Госплана ЯАССР Никита Васильевич Андреев, композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР Грант Григорьян... Памятные доски с именами этих великих людей установлены на нашем старом доме. Но я-то знала всех этих людей лично, и горжусь тем, что они внесли определенную лепту в мое воспитание – тогда я была совсем ребенком и приходила к ним в гости с отцом, они передавали мне свой жизненный опыт. Этим людям уже нет в живых. Но с одной семьей из нашего исторического дома я общаюсь до сих пор.

... Советские годы. По проспекту Ленина важно идет демонстрация трудящихся: лозунги, шары вздымают в небо, красные стяги развиваются над колоннами, приподнятые песни сопровождают ровные ряды. Мы с Ленкой Неустроевой стоим, вписавшись в эркер и наблюдаем сверху за демонстрацией, мы видим ее всю, от начала и до конца. И это – предмет нашей особой юношеской гордости. Ленкины родители, Пал Палыч и Мария Дмитриевна готовят праздничный стол. У Ленки были замечательные родители, одна из лучших интернациональных семей г. Якутска. Павел Павлович Неустроев был членом партии с 1937 года, старейший коммунист столицы республики, в послевоенные годы он работал I-м секретарем Амгинского райкома ВКП(б), был заведующим отделом пропаганды Якутского ОК КПСС, за большие трудовые достижения Пал Палыча наградили орденом «Знак Почета». Мария Дмитриевна Костина при-

ехала в Якутию из Центральной России, молодым кандидатом педагогических наук – приехала поднимать педагогическую науку северной республики, она преподавала в Якутском Государственном Университете фактически с первых лет его существования, с 1957 года, стала проректором по заочному отделению ЯГУ. Тогда, в глубоком детстве, я не совсем понимала, как много сделали для города эти люди, мне просто нравилась теплая обстановка их семьи, какое-то особое дружелюбие, нравилось, что их так много в квартире и все они любят друг друга: мама, папа и три дочери с «необычными» именами – Зинуля, Иришок и Ленок...

Мои родители – Иван Иванович Подойницын и Екатерина Валерьяновна Кутовая прожили в браке почти 50 лет, прибыли в Якутию из Читинской области, по распределению. Сохранилась их фотография, сделанная в ноябре 1953 года, черно-белая, монохром: папа одет в офицерский китель капитан-лейтенанта, у него уже имеется узенькая колодка наград, он чуть улыбается, приподнимая верхнюю губу с усиками и бескозырка чуть набок, с фальшивой небрежностью надета на голову, а мама – в длинном черном пальто, шляпе, украшенной цветной лентой, с модной лаковой сумкой в руках, женственная, но строгая. Папа надписал фото: «Полгода вместе...» Видимо, это одно из первых совместных фото. Могли ли они тогда предполагать, что проживут вместе почти полвека?! Вряд ли. А могли ли они предполагать, сколько испытаний пошлет им Господь, как посылает всем, кто проживает долгую жизнь?! Тоже – вряд ли. Уж слишком они смотрятся счастливыми на этом фото. Читаю записи папы, то есть его рукописную книгу: «Доченьку свою Наташеньку я совсем не помню, она прожила всего несколько дней и умерла... А вот сына Игорька помню отлично. Он любил возиться с машинками, книги перелистывал и делал вид, что читает их. Ходил с надутыми щеками, его называли «директор». Игорек утонул в озере на даче, когда ему было всего 2 годика...» Далее записи папы обрываются, видимо, тяжело было писать дальше. Слишком огромна утрата. Но я помню по детству, что люди помогли пережить моим родителям это горе. Я знаю, что родители не обозлились на судьбу и сумели стать со временем по-настоящему счастливыми людьми, только счастье это было выстраданным и трудным.

Первая работа, которая сделала отца знаменитым – Якутская республиканская типография им. Ю.А. Гагарина. Типография стала, благодаря усилиям моего отца, первым предприятием коммунистического труда в ЯАССР, в 60-е годы XX века. Отцу было всего 33 года, когда он был назначен директором старейшего полиграфического предприятия республики. В нашей домашней библиотеке нахожу маленькую книжку о типографии, которую отец написал в 1960 г. Эта книжка носит название «Эпохи завтрашней черты». В ней папа пишет о том, что в дни подготовки к историческому XXI съезду КПСС, в 1958 году в нашей стране зародилось важное патриотическое начинание – движение за коммунистическое отношение к труду. В духе того времени отец пафосно восклицает: «Великое движение развивается по восходящему пути – от ударников и бригад к цехам и предприятиям коммунистического труда. Теперь уже 7 миллионов 750 тысяч человек в СССР включились в это движение!» И далее папа радостно сообщает, что соревнование за право называться типографией коммунистического труда начал переплетный цех вверенного ему предприятия, руководимый коммунистом М.В. Шипицыным, а затем подхватили это знамя и другие цеха – бригады машинных наборщиков, бригады газетного цеха, коллектив фотомеханического цеха. А затем всем коллективом «мы пошли в разведку будущего», сообщается в книжке. И, как мы знаем, полиграфисты одержали победу – завоевали звание!

В этой же книжке сказано, что лучшие работники типографии не только выполняют производственные задания, но и учатся – в институтах, техникумах и школах рабочей молодежи. И среди таких передовиков указывается Вера Изведова (Бритвина). Есть несколько строк и про ее молодого, новоиспеченного супруга: «Заслуживает внимания и распространение среди инженеров начинания начальника газетного цеха товарища Коробова П.И. Он решил оказать помощь печатнику товарищу В. Изведову в повышении его разряда до наивысшего».

С Верой Петровной Изведовой и Виктором Николаевичем Изведовым, известными в нашем городе полиграфистами отец дружил всю свою жизнь. А как все начиналось, можно увидеть по маленькой красной книжке, той самой. Отец, как старший товарищ, как директор помогал молодым рабочим – Вере и Виктору Изведовым, которые сыграли свадьбу в типографии. Он прививал им любовь к полиграфическому труду, к учебе, к социалистическому соревнованию и др. В своей рукописной книге, которая пока еще ждет издания, в главе «Счастливый билет Изведовых» отец написал: «Помню, Вера, тебя в черном рабочем халате, молодую, красивую, с копной темно-каштановых волос, ты работала рабочей в наборном цехе. Наборщицей, а иногда мы говорили – разборщицей. Наборный цех я всегда называл началом начал типографии, от него зависела слаженная деятельность всего предприятия. В наборном цехе трудилось 80 человек, но я сразу заприметил именно тебя, потому что ты старательно училась, была активной во всем. Этот цех и «двинул» тебя в общественную и партийную жизнь и в светлое завтра... В 1964 году ты стала мастером, а затем – начальником офсетного цеха, секретарем партийной организации. У нас с тобой была еще и бурная «клубная» жизнь – мы выступали вместе в художественной самодеятельности, пели в хоре. Я помог вам, двум молодым людям, влюбленным друг в друга и в наш коллектив полиграфический, в начале вашего трудового пути, поверил вам – и вы сполна оправдали мое доверие...» Добавлю к словам отца, что Изведовы, действительно, многого добились в профессиональном плане: Вера Петровна Изведова проработала директором «Сахаполиграфиздата» почти 14 лет (с 1990 по 2004 г.), Виктор Николаевич Изведов в свою очередь также много лет возглавлял полиграфический коллектив – типографию ЯНЦ СО РАН СССР (с 1969 г по 2004г.).

Сегодня Изведовы проживают в Санкт-Петербурге, на Старо-Невском проспекте. В 2011 году они прилетали в Якутск, заглянули к нам в гости. И спросили, между прочим, а почему глава про них называется «Счастливый билет Изведовых». «Придя в типографию, вы меня встретили, друг друга и профессию нашли – и все это ...на всю жизнь», – ответил папа. Себя он поставил на первое место, конечно, ради шутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.